

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1856-1857 гг.).

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся на восточном берегу Черного моря после Крымской войны, и политика России направленная на установление контроля в регионе.

Период после окончания Крымской войны характеризовался неустойчивостью положения на Северо-Западном Кавказе и стремлением иностранных держав контролировать ситуацию в регионе. Эта политика встречала противодействие со стороны России. Рассмотрение политической ситуации и меры, предпринимаемые Россией по установлению контроля над побережьем, являются предметом рассмотрения в данной статье.

30 марта 1856 года был подписан Парижский мирный договор. По условиям мирного договора восточный берег Черного моря принадлежал России, но оговаривал условие, в соответствии с которым подлежали уничтожению крепости на побережье, и устанавливалась свобода мореплавания в Черном море. В статье 11 договора устанавливалось, что Черное море объявляется нейтральным и что вход, открытый для торгового мореплавания всех пароходов в порты и воды моря, запрещен для военных судов как прибрежной, так и других держав, кроме тех исключений, которые оговорены в статьях 14 и 19 договора.

В статье 12 указывалось, что свободная от всяких препятствий торговля в портах и в водах Черного моря будет подчинена лишь карантинным, таможенным и полицейским постановлениям, составленным в духе, благоприятствующем развитию торговли.

В статье 14 договора содержалась ссылка на особую конвенцию между Россией и Турцией, в которой определялось, какое число судов и какой силы имеют право содержать данные державы в Черном море.

В статье 19 устанавливалось, что каждая из договаривающихся держав имеет право содержать во всякое время по два легких морских судна у Дунайских устьев.

В статье 32 говорилось, что пока трактаты или конвенции, существовавшие до войны (Крымской) между воевавшими державами не будут возобновлены или заменены новыми актами, взаимная торговля должна проводиться на основании постановлений, имевших силу и действия до войны.

Из данных статей мирного договора видно, что иностранным державам, подписавшим договор, разрешалось держать в Черном море по два военных судна при устье Дуная и что за исключением этого условия, вход военным судам в это море воспрещался, поэтому крейсерство русских военных судов вдоль берегов не разрешалось. Но в условиях Парижского договора не определялось, какие установлены правила для движения иностранных военных и купеческих судов вдоль восточного берега Черного моря, как поступать с судами и лицами, которые будут явно нарушать эти правила. Не ясно было – распространяется ли статья 32 мирного договора на все до этого существовавшие российские установления на всякого рода связи иностранных судов с жителями восточного берега Черного моря.

В связи с таким количеством до конца не определенных в договоре вопросов, связанных с плаванием судов в Черном море, перед кавказским командованием стояли следующие вопросы:

1. Воспрещается ли иностранным коммерческим судам приставать к восточному берегу Черного моря в местах, не занятых русскими войсками "нагружать и сгружать товары и вести всякого рода сношения с горцами, чем нарушались бы наши карантинные и таможенные постановления, существовавшие до минувшей войны".

2. При наличии такого запрета, как поступать с нарушающими правила морскими судами и лицами, которые до войны признавались законными призами русских военных крейсеров, а команды, захваченные на контрабандных судах, отправлялись в арестантские роты.

3. На каком расстоянии от восточного берега Черного моря разрешалось находиться иностранным судам, обязуются ли они не входить в сношение с берегом и с сомнительными судами в карантинном отношении [1].

Общая обстановка после Крымской войны была неустойчивой. Побережье оказалось зоной свободной торговли. Поэтому данный период характеризовался отсутствием четких установок на положение вещей в бассейне Черного моря и черкесском побережье, в частности.

Война устранила русскую блокаду черноморских портов. Через Турцию была налажена переправа оружия на регулярной основе.

В донесении главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом от 10 апреля 1857 года министру иностранных дел России анализировалась обстановка, сложившаяся в это время на восточном берегу Черного моря. По мнению главнокомандующего, строгое применение таможенных и карантинных постановлений было невозможно до окончательного устройства российского управления и выхода иностранных судов из моря. Проблема осложнялась еще и тем, что право плавания на более или менее близком расстоянии от берега давно представляло предмет споров между морскими державами и четко не было определено. Поэтому, с наступлением весны 1857 года по восточному берегу Черного моря, Россией было открыто пароходное сообщение, а не крейсерство. Командирам пароходов была дана строгая инструкция избегать столкновений с английскими и турецкими судами впредь до особого приказа.

Но с периода выхода английского флота из Черного моря, главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом должен был спрашивать разрешение можно ли открыть крейсерство для установления спокойствия Кавказа и предохранения от чумы. Эта мера объяснялась тем, что сношения с горцами турок и выходцев из других стран способствовало политическим интригам. Иностранные агенты распространяли слух о том, что признана независимость адыгов и что европейские державы приняли под свою защиту горцев. В этот период на кавказском побережье произошла высадка отряда иностранцев, которые поддерживал горцев в их борьбе. Бесперывно подвозилось оружие, шла торговля невольниками. Сложившаяся ситуация, по мнению российского командования, поддерживала в горах уверенность в содействии им, против России, Турции и Англии. Поэтому, адыги верили распространяемой в этот период информации, которая исходила от одного из политических лидеров Черкесии Сефербея, о том, что горцы признаны подданными турецкого султана и должны во всем повиноваться поставленным им властям.

Для восстановления крейсерства было необходимо с одной стороны, составить четкие инструкции для избежания, произвольных действий крейсеров и протестов против них иностранных правительств, а с другой стороны, из опасения командиров судов попасть под ответственность за действия, превышающие их полномочия. Поэтому каждый крейсер должен был иметь четкие инструкции, на каком расстоянии от блокируемого берега он имеет право опрашивать и осматривать суда, и на каком расстоянии от берега можно преследовать их.

В донесении главнокомандующего подчеркивалось, что Россия имеет тройное право преследовать суда, входящие в торговые и всякого рода сношения с горцами, а именно: 1 – за нарушение блокады того берега, жители которого находятся против России в постоянной войне, 2 – за нарушение карантинно-таможенных постановлений и 3 – за преследуемую повсюду работорговлю. Этих оснований достаточно было для объявления прав России на блокаду восточного берега Черного моря и пресечение всяких связей иностранных судов с горцами [2].

Восточный берег Черного моря посещался многочисленными английскими морскими судами. 3 октября 1856 г. на рейд у Редут-кале встал английский военный пароход, который занимался составлением планов местности и промером глубины рейда. Другой военный пароход стоял на якоре у Сочи и имел сообщение с берегом.

26 октября 1856 г. прибыл на рейд в Сухум-кале английский коммерческий пароход "Кангару", до этого посетивший черкесский берег. Капитан корабля не предъявил коменданту никаких документов. На вопрос, зачем он приставал к неприятельскому берегу, ответил, что по Парижскому трактату плавание в Черном море для коммерческих судов всех наций объявлено свободным, и что в скором времени он опять придет в Вардане за грузом.

Владелец Абхазии князь Шервашидзе сообщил, что другого груза, кроме невольников и невольниц, не может быть с черкесского берега и что, работорговля, таким образом, возобновляется при содействии англичан.

Турецкие купеческие суда и кочермы беспрепятственно приставали к берегу, начиная от Новороссийска и далее к югу. Например, 15 октября в Новороссийской бухте стояло 5 турецких судов, торговцы устроили на берегу временные лавки. В них продавали товары поселившимся там и приезжающим горцам [3].

Таким образом, данный период времени характеризовался активизацией мореплавания иностранных судов у восточного берега Черного моря и отсутствием русского крейсерования побережья.

Вывоз рабов с черкесского берега на морских судах поставил вопрос о вовлеченности британских судов в транспортировку рабов. По этому поводу был сделан запрос адмиралтейской комиссией Палаты Лордов контр-адмиралу лорду Лайонсу. Который подтвердил, что британское судно "Кангару" дважды было у черкесского берега, но ни в одном из этих случаев, это судно не вызывало подозрений в том, что оно замешано в работорговле.

Несмотря на утверждения английских капитанов и рапорт лорда Лайонса адмиралтейству о непричастности Англии к работорговле и военной разведке, сложившаяся ситуация вызвала много протестов со стороны российского правительства[4].

Во второй половине апреля 1857 г. в Геленджик прибыли две кочермы, на которых было привезено шесть орудий, большой запас пороха, свинца, снарядов и несколько человек новых флибустьеров. Весь этот груз был доставлен из Константинополя в Трапезунд на двух больших судах. Когда Российский консул хотел осмотреть эти суда, шкиперы, узнав об этом, ночью перегрузили все на кочермы, которые до рассвета отправились к черкесскому берегу.

На судах прибывали иностранные легионеры, которые создали отряд, принимавший активное участие в военных действиях на Северо-Западном Кавказе. Главный склад военных припасов легионеров был учрежден в долине Адерби, в восьми верстах от Геленджика. Оттуда боеприпасы в значительном количестве постепенно перевозились в урочище Шапсуг, между бывшими укреплениями Абинским и Николаевским.

Суда беспрепятственно, приставали ко всему черкесскому побережью, особенно много судов приходило в Туапсе, Пшад, Геленджик, Новороссийск. Ввозилась, в основном, соль, мануфактурные товары. В начале мая в Новороссийске побывало два двухмачтовых судна и двадцать семь кочерм, в Геленджике и Пшаде почти столько же. Вывозили хлеб в зерне, кукурузу, кожи и особенно женщин и детей.

Желая ограничить торговлю, особенно в северной части, откуда боеприпасы поступали к театру военных действий, начальник черноморской береговой линии генерал-майор Филипсон на рассвете 25 мая 1857 г. вошел в Геленджикскую бухту, в которой находилась одна турецкая кочерма на якоре и одна – на берегу. Остальные суда недавно ушли, сбросив товары на берег, откуда горцы на выюках и арбах перевозили их внутрь страны. Одна кочерма была захвачена, вторая – разбита ядрами и гранатами.

В суджукской бухте ситуация повторилась. На берегу между устьем Цемеса и бывшим Константиновским укреплением были выстроены большие строения – товарные склады. Находившиеся здесь же кочермы были захвачены, склады уничтожены. Сгорело много товаров, из которых большая часть принадлежала к предметам роскоши. На двух кочермах, взятых в Новороссийске, людей не было, а груз состоял преимущественно из кукурузы[5].

Поэтому главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом настаивал на открытии крейсерства вдоль восточного берега Черного моря. Свою точку зрения он аргументировал необходимостью прекратить связи турок с горцами, тем более опасные, поскольку они производились совершенно открыто.

После протеста, переданного русским правительством турецкому правительству, лица, уличенные в торговле оружием, были осуждены. Турецкое правительство издало распоряжение, согласно которому местные власти вели строгий надзор за судами, отходящими на восточный берег Черного моря. Этот факт свидетельствует, что Порта открыто признала незаконность этих связей, хотя и не имела сил или желания их прекратить.

Эти аргументы, по мнению Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом, давали основание для словесного разрешения наказному атаману Черноморского Казачьего войска и Кутаисскому генерал-губернатору в случае встречи русских военных судов с турецкими контрабандными судами, желающими пристать к берегу, употреблять против них оружие, а особенно против тех судов, которые будут находиться у самого берега, "населенного враждебными нам племенами".

При сложившейся ситуации русское командование на Кавказе считало невозможным задерживать формальное объявление восточного берега Черного моря в блокадном положении на общих основаниях международных постановлений. Это требовалось для того, чтобы, со стороны русского правительства были исполнены все формальности, требуемые для правильного установления русского крейсерства в отношении европейских держав, желающих вести торговлю в водах Черного моря[6].

В этот период морские средства России были недостаточны для содержания всего берега в блокадном положении. Даже при условии присутствия в Черном море военных кораблей, разрешенных по Парижскому мирному договору, настоящее крейсерство с правом осмотра судов в море, принадлежало исключительно военным судам, и следовательно войска Кавказского Корпуса не могли входить в состав крейсирующей эскадры. Поэтому объявление черкесского берега в блокаде, без материальных средств, не имело бы для России пользы. Эта позиция соответствовала нормам международного права. Но, по мнению Кавказского командования к восточному берегу Черного моря не следовало применять то положение, которое подразумевалось под морской блокадой, так как по общепринятому понятию объявляется в блокаде во время войны берег неприятельский. В этой ситуации одно объявление блокады не имело бы силы, если не поддерживалось на деле достаточными материальными средствами для крейсирования военных судов. Но так как, в соответствии с международными договорами восточный берег Черного моря считался принадлежащим России, то русское командование на Кавказе предлагало считать горские племена восставшими против России, т.е. мятежниками, а не воюющей стороной. Аналогичное основание лежало в основе инструкции, составленной в 1838 году для крейсирующих судов: слово блокада, говоря о крейсерстве у восточных берегов Черного моря, не употреблять, так как крейсерство в этих местах не является блокадой, а представляет морскую кордонную стражу собственных берегов. Блокада в смысле, который дается этому выражению в праве, может употребляться только в том случае, если бы кавказские берега представляли иностранные владения.

Если принять эту точку зрения, то можно было блокаду кавказского берега Черного моря объявить формально и дипломатическим путем, а можно было – ограничиться теми административными мерами, которые правительство имело право принимать в пределах своих владений для поддержания там карантинно-таможенных постановлений. Сообразно этой логике, рассматривая крейсерство как "морскую кордонную стражу собственных наших берегов". Поэтому русское командование предполагало употреблять для преследования каждого нарушителя принятых постановлений – пароходы военные и транспортные, баркасы и всякого рода суда. При этом разрешалось употреблять силу оружия против контрабандных судов, особенно если они будут застигнуты у самого берега, подобно тому, как уже неоднократно действовал генерал-майор Филипсон. Этими мерами предполагалось, прекратить доставку горцам помощи извне. Если не совершенно то, по крайней мере, значительно затруднить эти отношения.

Истребление и арест судов, товаров в Новороссийске и Геленджике встретили резкую критику в константинопольских газетах. В прессе эти мероприятия России рассматривались как ограничивавшие торговлю и насилие. Газета "La Presse d'Orient" задавала вопрос, на каком основании Россия поступает, таким образом, не объявив предварительно блокады

Данная точка зрения основывалась на представлении о нейтральности Черного моря и свободе торговли. В турецких портах господствовала точка зрения, что со времен Восточной войны была открыта свободная торговля с черкесским берегом. Некоторые торговцы просили у русских консулов пропуска для судов, отправляющихся торговать с горцами. Сами русские консулы не имели ясного представления по этому вопросу. Так, по крайней мере, можно судить по ходу следственного дела, производившегося в Трапезунде по поводу захваченных в Новороссийске турецких судов. Стараясь защитить интересы России от притязаний турецких властей, русские дипломатические агенты не оспаривали права Порты требовать возвращения судов и стоимости товаров. По этому поводу русскому посланнику в Константинополе было поручено доказать, что суда взятые в Новороссийске по всем правилам признаются "законными призами" России. Если необходимо возвратить эти суда Турции, то это следует рассматривать как проявление снисхождения, так как в первое время после окончания войны "действительно могло быть недоразумение открыт ли черкесский берег для торговли или нет"[7].

Сложившаяся на Северо-Западном Кавказе ситуация стала предметом обсуждения между английским и русским правительствами. Министр иностранных дел России князь А.М.Горчаков, как известно, в международных отношениях стремился добиться постепенного уничтожения условий Парижского договора, касавшихся нейтрализации Черного моря. Эта линия нашла отражение и в кавказских делах.

Продолжающаяся торговля английских судов с черкесским побережьем вызывала тревогу у русского правительства. По заявлению князя Горчакова, торговля рабами, подавлять которую было основной целью России при установлении системы крепостей на побережье, возобновилась, начиная с разрушения этих фортов и отсутствия российского крейсерства в Чер-

ном море. При этом он намекал, что возрождение работорговли не было несвязанно с британской торговлей, на которую он ссылался. В ответ английская сторона потребовала предоставления оснований для обвинений. Подчеркнув при этом, что английское правительство препятствует работорговле между Черкесией и Турцией.

А.М. Горчаков ответил, что он не имеет никаких прямых доказательств работорговли, проводимой британскими судами, кроме подозрения в невозможности любой торговли, проводимой с черкесским побережьем, кроме работорговли. Поскольку черкесские племена не имели других товаров, чтобы проводить обмен. Кроме того, основным изделием, которое они брали взамен, было оружие и порох. Поэтому Россия предпримет меры, чтобы положить конец этой торговле. Для этого необходимо в соответствии с Парижскими соглашениями подготовить российские суда для обслуживания побережья Черного моря. Английское правительство было уведомлено об этом намерении России, чтобы повторение любого неприятного инцидента, касающегося нарушения санитарных и таможенных правил типа того, что произошел с английской шхуной "Виксен" не повторилось.

Английский посланник ответил, что он не имеет никакой информации о торговле проводимой британскими судами с пунктами на восточном побережье Черного моря, с которыми в соответствии с российскими таможенными инструкциями запрещено связываться. Возможно, что пункты в которых шел обмен располагались на территории занятой независимыми племенами, а не на территории находящейся под властью России. Однако британское правительство полностью согласно с тем, что необходимо предотвратить неприятные последствия, которые могли бы следовать из конфискации британских судов российскими крейсерами в случае их обвинения в незаконной торговле[8]. Линия поведения английского посланника в России при обсуждении проблемы была полностью одобрена английским правительством. В послании из Лондона министр иностранных дел Великобритании Кларендон писал, что османская Порта уступив России Черкесию, уступила территорию, которой султан не обладал, и передала суверенитет, который не принадлежал ей, так как черкесы не признавали султана своим главой. Кларендон подчеркивал, что граф Орлов при встречах в Париже говорил ему, что русский император желает, чтобы племена Кавказа стали цивилизованными. Усилия наместника царя на Кавказе графа Воронцова в этом вопросе не были успешными. Император желает предоставить горским народам возможность продолжать торговлю с другими странами. Исключение, вероятно, будет сделано против импорта оружия и боеприпасов, которые использовались бы для того, чтобы продолжить войну горцев с Россией. В ответ ему Кларендон заметил, что самой эффективной борьбой с этим для России будет не воевать с кавказскими племенами, которые тогда импортировали бы предметы потребления, более полезные для них, и лучше бы были приспособлены к процессу воспитания, которому император желал, чтобы они подверглись[9].

Таким образом, явно определились две линии поведения по вопросу о развитии международной торговли с восточным берегом Черного моря. Россия настаивала на прекращении торговли с черкесским побережьем. Свою точку зрения она аргументировала тем, что данная территория является частью Российской империи и поэтому все суда должны подчиняться правилам, устанавливаемым русским правительством. Это позиция подкреплялось необходимостью прекратить работорговлю и торговлю оружием.

Английская линия поведения в споре опиралась на концепцию признания независимости Черкесии и права свободной торговли в местах, занятых черкесскими племенами.

Для разъяснения распоряжений русского правительства относительно кавказского берега было решено опубликовать их в средствах массовой информации и известить официально дипломатические агентства, по крайней мере в турецких портовых городах[10]. 6/18 октября 1857 г. в официальном издании русского правительства "Journal de St. Peterbourg", была издана официальная инструкция, касающаяся торговли с азиатским берегом Черного моря. В документе подчеркивалось, что Парижское соглашение объявило воды и порты Черного моря открытыми для коммерческих плаваний всех наций. Свободная от любых препятствий торговля в портах и водах Черного моря должна подвергаться только условиям санитарным, таможенным и полицейским правилам, сформулированным в духе, благоприятном развитию коммерческих сделок. Российское правительство считало необходимым тщательно им соответствовать. Правила санитарии, таможни и полиции по Азиатскому побережью Черного моря были вдвойне необходимы по причине внутреннего состояния кавказских областей.

Карантинные и таможенные учреждения были установлены в Анапе, Сухум-кале, Редут-кале. Они были открыты для иностранных судов. Если в будущем времени обстоятельства допустят создания таможенных и карантинных властей в других местах на Азиатском берегу Черного моря, об этом будет сообщено. Тем временем, подход к портам, заливам и гаваням Азиатского побережья, за исключением трех вышеназванных, оставался закрытым для иностранных судов.

Заключение Парижского мирного договора не решило вопросов, связанных с контролем России над восточным берегом Черного моря. Это способствовало вмешательству иностранных держав в ситуацию в регионе. Поставка оружия, подвоз иностранных легионеров на Северо-Западный Кавказ способствовали росту сопротивления адыгов. Поэтому Россия предприняла строгие меры для установления санитарно-таможенного контроля над восточным берегом Черного моря и военного крейсерства побережья.

Литература:

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. Азиатский департамент. Оп.729/2. Д.6. Л. 28 об.-30,31-31 об.
2. АВПРИ, ф. Азиатский департамент. Оп.729/2. Д.6.Л. 28,47,47об.-48,49-49 об., 50.
3. Там же. Л.8 об., 23 об., 26, 27 об.-28. 33, 33 об.
4. АВПРИ. СПб.Гл. Архив V-A2. Оп.181/2.Д.587.Л.20-22 об.
5. АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп.729/2.Д.6.Л.78-79 об.,80-81,82,82 об.
6. Там же. Л.60-61 об.
7. Там же. Л.135 об.-136,155 об.,138-138 об. 139.
8. АВПРИ. Ф. СПб.Гл. Архив V-A2.Оп.181/2. Д.591.Л.7об.-8. Lord Wodehouse to the Earl of Clarendon. St.Petersburgh, December 17, 1856.
9. Там же. Л.7 об. The Earl of Clarendon to Lord Wodehouse. Foreign Office, August 5, 1856.
10. Там же.Л.139.